

ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ МОРЕЙ ПОХОД ВЛАДИВОСТОК—МУРМАНСК

Михаил Петрович МИКРЮКОВ, корабельный радист, участник перехода военных кораблей Владивосток—Мурманск в 1942 г.

Всю зиму 1941—1942 гг. эти эскадренные миноносцы Тихоокеанского флота провели за кромкой ледового припая. На кораблях часто объявлялись боевые тревоги — уничтожались сорванные с якорей мины (вход в бухту Золотой Рог охранялся минными заграждениями). Весной, когда акватория очистилась ото льда и корабли стали к причалу Дальзавода, радистов экипажей прислали для дополнительной подготовки на Узел связи ТОФ.

А когда настало лето, лидер «Баку», эсминцы «Разумный» и «Разъяренный» вышли из Владивостока на Северный флот. Как проходил этот переход, рассказывает его участник радист М.П. Микрюков.

15 июля 1942 г. Среда. Первые мили. Спокойно и ровно вибрирует железная палуба под ногами. Все пока обычно, все пока привычно. И очень знакомы тянущиеся по левому борту нашего «Разумного» недалекие берега.

Японское море. Туман. Идем кильватерным строем. Постоял на полубаке, посмотрел. Впереди едва видна корма «Баку» со слабым буруном. Сейчас пойду копать в корабельной библиотеке. Хочу найти литературу о мореплавателях-первооткрывателях российского Дальнего Востока и Арктики.

Татарский пролив. Утром с 4-00 до 8-00 был на вахте. До обеда принимал сообщения ТАСС. В 16.30 бросили якорь в бухте Де-Кастри. Когда входили, смотрел на прибрежные сопки и скалы. Красивое место. На высокой косе маяк. Давно я не видел хвойных деревьев, почти два года... Такой ароматный воздух! Лесом, и не просто лесом, а для меня еще и Уралом пахнет!

Четвертый день «чапаем» на северо-восток, и все эти дни нам сопутствует благоприятная погода. Татарский пролив — дикое штормовое место. Такая у него слава. Здесь в 1939 г. погиб в шторме эсминец «Решительный». В 40-м году и я принимал здесь штормовую купель на тральщике «Чека».

Охотское море... Беспокое, неприветливое. Ветер холодный, колющий. Уже чувствуется веяние севера. А ведь на дворе еще июль, макушка лета. Читал у микрофона для экипажа радиогазету. Небо серое, море серое. Куда ни помотришь — серая вода кругом. Свободное время в последние дни тратил на чтение книг о географических открытиях. Читал, делал выписки о деяниях русских мореплавателей Василия Пояркова, Геннадия Невельского...

История — наука увлекательная и полезная. И знать ее мне надо хорошо, так я думаю. Впереди опасный участок — Первый Курильский пролив. Пойдем «под носом» у японской военно-морской базы... Корабль живет обычной походной жизнью, главное в ней — вахта.

По случаю благополучного прохода Курильского пролива командир решил выдать личному составу к обеду по сто граммов водки «на брата». Идем вдоль восточного берега Камчатки. Что за чудесный, дикий, необыкновенный пейзаж! А где-то в глубине камчатской земли отсюда, с моря, мы долго видим одно и то же — как призраки в небе — две высоченные сопки.

Мы вошли в глубину Авачинской губы, оставив Петропавловск по правому борту, стали на якорь. Один иностранный журналист написал про Петропавловскую гавань, что она по красоте и удобствам вторая в мире, после Рио-де-Жанейро. Сейчас нахожусь под впечатлением прочитанной истории Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга и Алексея Чирикова на судах «Св. Петр» и «Св. Павел». То было двести лет назад. Они зимовали в Авачинской губе и заложили тогда город Петропавловск.

После обеда была рыбная ловля. Рыбачить ушли и комиссар, и корреспондент газеты «Боевая вахта», и наши Пестов с Олейником. Володька Викулин рисует картину «Камчатский берег». Я мучаюсь над стихами о Витусе Беринге. Коля Рычков на вахте — все при деле.

Тихий океан раскинулся перед нами. Прощай, уютное местечко! Берем курс на бухту Провидения. Начинает раскачивать. Океанские валы делаются все выше и грознее. Что ж, все правильно и закономерно. Великий, или Тихий имеет право в конце концов закатить детям своим на прощание хорошую зыбкую баню. Командорские острова — Беринга и Медный. Сколько еще пройдет вот таких загадочных романтических земель...

Берингово море. Туман. Чем дальше на север, тем холоднее. Скорей бы перевалить Чукотку, обогнуть ее и мчаться на запад к фронту, к боям, к победе, в которой мы все уверены. Глухие, мрачные берега — бухта Провидения. Земля сумерек. Растительности на сопках не видно. Повсюду на суше белые пятна снега. В десять часов транслировали Московское радио (по корабельным динамикам). Сообщение Совинформбюро читал Юрий Левитан. Сильные бои на юге страны. Утром вместо чая был сюрприз — какао. Вступил в силу «полярный паек». Ходили по 20 человек в местную береговую баню. Вымылись, напарились, постирали шмотки. Зашли вчетвером на почту, я сдал чукчанке телеграмму для мамы. С утра сегодня читал Шиллера, а после вахты, вечером, нашло лирическое настроение. Писал стихи. У деда-чукчи, который вырезает различные поделки из кости, мы купили мундштуки с фигурками оленей и охотников.

Уже неделю стоим в бухте Провидения. Надоело! Ждем ледокол, без него мы не можем двинуться. Впереди — лед. До часу ночи продолжалась встреча со знаменитым полярником: В.И. Воронин, бывший капитан «Челюскина», рассказывал о своих плаваниях и приключениях. Его назначили сопровождать наши боевые корабли.

Вчера вечером пришел ледокол, который мы ждали. На нашем корабле поставлены противоледовые крепления. Теперь мы полностью готовы к трудному и опасному полярному плаванию. На политинформации комиссар предупредил, что на корабле развелось много проамериканских настроений, «товарообменов». Вокруг нас десятка два наших и иностранных торговых судов, пришедших оттуда. А нужно ли с общением кончать и зачем? А чего мы тут, собственно, пугаемся, тени своей? Русская, советская «собственная гордость», как сказал Маяковский, у нас есть. Побаловавшись английским табачком, американскими сигаретами, мы все равно лезем в карман за махоркой. Она крепче и больше нам по характеру.

Берингово море. После обеда снялись с якоря. Прощай, бухта Провидения, полмесяца отстояли здесь. Лейтенант Олег Мачинский рассказывал о Беринговом проливе. В нем есть архипелаг Диомида — это три острова. Ост-

ров Ратманова наш, а Крузенштерна и скала Фэруай — США. Эти острова в 1867 г. вместе с Аляской были проданы Россией Америке.

Между тем положение у нас серьезное. Это видно по настроению командира корабля. Конечно, он не растерян. Связь у меня работала и будет работать, как часы. И сам я спокоен и собран. Нам нельзя останавливаться — замерзнем. И почти нельзя двигаться, лед не дает. Приходится постоянно маневрировать — раздвигать торосы, отталкивать льдины вручную отпорными крюками. Устали все: и машинисты, и матросы верхней палубы. Повозись-ка с длинным шестом! Место, где мы находились, в смысле ледовых «фокусов» самое коварное на всем Севморпути. В 1934 г. здесь был затерт льдами «Челюскин».

Наконец вырвались на чистую воду, и сразу все повеселели. Сами выкарабкались! Что-то я здорово вымотался — четыре ночных вахты подряд. Комиссар включил меня в тройку по написанию исторического журнала нашего перехода на Северный флот. Погода хорошая. Солнце глаза режет! И движемся, движемся вперед на запад к цели, к фронту. Лед, конечно, есть. Торосы плавают то реже, то гуще. Была интересная встреча с аборигенами. Несколько чукотских лодок забавно преследовали корабли. В некоторых лодках целые семейства, и все от мала до велика курят.

К вечеру вошли в Колючинскую губу. Берем горючее. Наши ребята выгравировали на медной пластинке: «Эсминец «Разумный». Идем на запад бить фрицев. 21 августа 1942 г.». Прикрепили пластинку к восьмиметровому кресту на берегу.

До боли тихий и осторожный ход родного быстроходного эсминца. Хочется порыва, риска, действия. Но льдами заперт простор. А мы идем все-таки вперед, идем и идем. Подул сильный норд-норд-вест, закружила и завывала метель. Непогода свирепствовала всю ночь. Наутро мы увидели себя зажатыми в торосах. Нас развернуло, и мы нацелились носом на обратный путь, на Берингов пролив. Ну, кажется, влипли — зимовать придется... За день изучили лед вокруг корабля.

Протоптали тропинки. Некоторые сходили пешком в гости на зажатый льдами транспорт «Волга». Лед надежный. Командир корабля поручил мне отнести капитану «Волги» на один день пластинки с песнями Лидии Руслановой, что я, конечно, исполнил. Зашел к их радистам и узнал горькую новость. Они слушали эфир в обычное время 25 августа и приняли сигналы ледокола «Сибиряков» из Карского моря. Неизвестный крейсер запросил ледовую обстановку и через пять минут открыл стрельбу по «Сибирякову». Связь оборвалась. Значит, вражеский корабль нахально бродит в нашем Заполярье и топит наши пароходы — война уже совсем рядом. Из передовой «Правды», принятой в те дни по радио: «Бои идут на Волге, с 23 августа горит Сталинград, немцы захватили Ростов-на-Дону».

Чукотское море. Всю прошедшую неделю было очень трудно. Когда происходит подвижка льда, корабль начинает поскрипывать, если не сказать «потрескивать», Было принято решение — взрывать лед вокруг эсминца. Выполнять это предстоит корабельным минерам. Для нашего продвижения от этих взрывов пользы почти никакой. Стоим мертво. Стиснуты крепко. Торос с левого борта взгромоздился выше ходового мостика, вроде как навис над ним.

Капитан Воронин с утра поднимается на мостик и не сходит оттуда до обеда. Одевается легко и просто. Шею обматывает вафельным полотенцем. На предложение командира корабля получить меховую куртку и пуховой шарф ответил: «Спасибо, Виктор Васильевич, мне и так хорошо. Полотенце-то теплое... с рубчиками». Воскресенье, к сожалению, без бани. Матросы стирают рубы, тельняшки в снежных лужах на льду — руки зверски мерзнут. Корабельную воду приходится беречь. А все-таки мы оптимисты и стараемся ими быть и не верим в неудачный конец нашего плавания. Несем вахту. Мало спим. Много едим. Ходим по делу и без дела на соседнюю «Волгу», а то и подальше — на американца «Хеппи стар», тоже застрявшего во льдах. Добыли у союзников пластинки на русском языке — Шаляпина, Вертинского, Лещенко. У них это бывает, и американцы любят меняться.

7 и 8 сентября были днями авральными. Такого горячего энтузиазма у нас на «Разумном» мне переживать еще не приходилось. Лед пилили на блоки и брусья, откатывали от борта, оттаскивали тросами. Лед рубили на куски топорами и ломами, отгребали лопатами на брезент, оттаскивали в сторону. В конечном счете корабль шевельнулся в мелкой плавучей шуге. И мы своим ходом пошли за ледаколом прочь из ледяного плена. Снялись с якоря и идем вперед! В 19.00 миновали мыс Шмидта. Необычное место! Черный утес резко выделяется на фоне сверкающего льдами моря. Видны две мачты радиостанции, несколько домиков. Утром прошли пролив Лонга. Прощай, Чукотское море! Долго же ты нас держало и мучило — 25 дней! Шпарим в Амбарчик, там будем брать горючее и воду. Название бухты — от амбарчика, поставленного в 1740 г. Лаптевым и его людьми во время зимовки.

Восточно-Сибирское море. После заката очень странный полярный пейзаж. Все окрашено в две краски — черную и белую. Мир кажется перевернутым: море белое, а небо черное. Жуткая красота вечера вылилась в крепкий шторм. Мы отстали и идем одни-одинешеньки. И как мал в этой огромной и суровой пустыне наш эсминец. Но смело ведут его в черную даль 250 моряков. За два месяца перехода, миновав уже четыре моря, только здесь встретили первый крепкий шторм.

В проливе Дм. Лаптева погода хорошая. Море Лаптевых, бухта Тикси. Ура! Догнали наших. «Баку» и «Разъяренный» дожидались нас. С ходу пристроились к борту английского танкера «Хопмаунш», запасаемся горючим. Стоим удобно. Можно протянуть руку и поздороваться.

А вот уже пролив Вилькицкого — самая северная точка нашего пути. Плавучие льды в течение всего года. На наше счастье, чист пролив и видимость отличная. С левого борта полоска земли — это Таймыр. Льдов не было. Никаких происшествий не случилось. Можно сказать, что все, чем нам грозила Арктика, осталось позади.

Карское море. Сильно штормит. Наша корабельная противоледовая «шуба» — крепления — скрипит и трещит, но свое она уже отслужила. Шторм разбудил, расшевелил всех. Только вот Коля Рычков у нас подкачал — в корабельном лазарете. Живем по готовности №2 — учимся жизни по-фронтальному. Бесперывный шторм — это привычно. Это переживем.

Остров Диксон в Енисейском заливе. На острове и берегах бухты — селения. Черный каменистый изрезанный берег, сопки здесь нет. Чем-то многим еще отличается здешняя панорама, даже неуловимым, вплоть до запаха.

Смотрю на берега вокруг, и какое-то странное состояние. Какой-то необъяснимый трепет.

Вчера вечером долго сидел в корабельном лазарете у Коли Рычкова. Он много рассказывал о себе. Похудел сильно, хотя храбрится... Но 5 октября утром случилась беда: Коля Рычков скончался...

Карское море. 9 октября покинули Диксон. Начался последний этап нашего перехода. Настроение бодрое, Карское море сильно штормит. Главная причина приподнятого настроения — хороший ход. Что, интересно, делается сейчас дома? Как там мама? К вечеру шторм стал стихать. Мы подходили к Югорскому полуострову и как бы спрятались под него от вечера. А ночью стали в проливе Югорский Шар на якорь.

Баренцево море — это уже, где идет война... Море штормит — с нарастающей силой. Для нас в этом нет ничего неожиданного и ничего страшного. Пришли в город Полярный. Ждем, когда нас примут в Северный флот и дадут боевое задание. Городок расположен в удобной гавани Кольского полуострова, в 40 км от Мурманска. Позади восемь морей двух океанов. Все понимают и признают переход историческим. В течение трех месяцев двигались всего 31 сутки 18 часов, остальное время стояли по разным причинам и воевали со льдами.

16.00. 14.10.42 г. Впереди уже незамерзающая Арктика. Здесь круглый год корабли на плаву и в боях. Стоял на палубе, и хотелось крикнуть:

— Мы пришли. Принимайте нас!

SUMMARY. The article by a war ship telegraphist at the time of war, M. Mikriukov, «Through Eight Seas» is about the march of the Russian Pacific Navy warships during the years of war from Vladivostok to Murmansk by North Sea Route. Telegraphist Mikriukov was keeping a diary of this march, and extracts from it are given in the article. The author mentions many details, describes the march's difficulties. When come to Murmansk, the Pacific warship participated in the fights against the German war-ships.